

Журнальное обозрѣніе.

(Разсказы Чехова: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и «О любви»).

Чеховъ не принадлежитъ къ числу писателей, выдумывающихъ хитросплетенныя фабулы и обращающихся съ своими дѣйствующими лицами, какъ шахматисты съ своими фигурами при составленіи сложныхъ шахматныхъ задачъ, онъ не принадлежитъ также къ числу писателей, рисующихъ людей, какъ добавленіе къ той или другой обстановкѣ, будь то берегъ неаполитанскаго залива или отдѣльный кабинетъ ресторана, къ числу писателей, напоминающихъ «художниковъ» модныхъ журналовъ, которые сперва рисуютъ сюртукъ или кофту, а затѣмъ уже приставляютъ къ нимъ мужскую или женскую голову. Чеховъ относится къ числу писателей *вдумчивыхъ*, писателей, углубляющихся въ обыкновенныя явленія жизни. Взоръ Чехова проникаетъ въ глубь явленія, въ глубь души каждаго самаго обыкновеннаго человѣка. Чеховъ улавливаетъ внутреннюю связь явленій, ускользающую отъ обычнаго поверхностнаго взгляда; онъ постигаетъ самый страшный трагизмъ, трагизмъ обыденной жизни; Чеховъ, однимъ словомъ, принадлежитъ къ той школѣ писателей, родоначальникомъ которой въ Россіи является великій Гоголь.

Сродство съ Гоголемъ замѣтно и въ трехъ послѣднихъ, какъ всегда маленькихъ, разсказахъ Чехова, помѣщенныхъ въ іюльской и августовской книжкахъ журнала *Русская Мысль*.

«Человѣкъ въ футлярѣ» прямо напрашивается на сопоставленіе съ гоголевской «Шинелью». Акакій Акакіевичъ не менѣе, чѣмъ чеховскій Бѣликовъ можетъ быть названъ «человѣкомъ въ футлярѣ». У обоихъ душа закутана въ оболочку, почти непроницаемую для вліяній окружающей дѣйствительности, у обоихъ пѣтъ въ сущности почти никакой внутренней жизни, немислимой безъ внѣшнихъ раздраженій. Оба живутъ до тѣхъ поръ, пока отъ какого-нибудь неожиданнаго потрясенія не прорвутся ихъ футляры, и на ихъ заморенныя души не пахнетъ тепломъ или холодомъ окружающей дѣйствительности. Слабый огонекъ жизни гаснетъ, и «человѣки въ футлярахъ» умираютъ.

Принадлежа къ одному и тому же виду, Акакій Акакіевичъ и Бѣликовъ въ предѣлахъ его являются однако двумя наиболѣе другъ отъ друга отдаленными разновидностями. Разновидность Акакіевъ Акакіевичей сравнительно безобидна, разновидность Бѣликовыхъ чрезвычайно зловредна. Акакіи Акакіевичи до того безжизненны, до того автоматичны, что въ нихъ отсутствуетъ даже чувство самосохраненія, они не могутъ вредить обществу активно, они, конечно, все же вредны, но вредны лишь какъ ненужныя привѣски, затрудняющіе общественное движеніе впередъ. У Бѣликовыхъ же мертво все, кромѣ чувства самосохраненія, проявляющагося въ уродливомъ, въ безсмысленномъ видѣ. Акакіи Акакіевичи наводятъ на живыхъ людей уныніе, Бѣликовы кромѣ

того гнетутъ ихъ и даже какъ бы властвуютъ надъ ними, принуждая наиболѣе слабыхъ запасаться футлярами. «Человѣки въ футлярахъ» чаще всего встрѣчаются среди чиновниковъ, для чиновничьей среды они болѣе всего типичны. Акакій Акакіевичъ и Бѣликовъ оба—чиновники, первый чиновникъ совсѣмъ безобидный, чиновникъ департаментскій, всю жизнь скрипящій перомъ надъ ненужными бумагами, второй — чиновникъ вредный, чиновникъ-учитель, превращающій живое дѣло обученія въ сухой, мертвящій душу формализмъ.

Бѣликовы умерщвляютъ юныя души учениковъ не только непосредственно, но и черезъ другихъ учителей, обладающихъ, повидимому, живой душой. Бѣликовыхъ слушаются, Бѣликовыхъ боятся...

«Мы учителя боялись его», говоритъ про Бѣликова его сотоварищ Буркинъ. «И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣкъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боятся помогать бѣднымъ, учить грамотѣ»...

Откуда же этотъ страхъ передъ подобными полу-мертвецами, полу-автоматами? Неужто въ нихъ скрыта какая-нибудь особенная сила? Конечно, нѣтъ. Дѣло не въ силѣ Бѣликовыхъ, а въ условіяхъ жизни, въ условіяхъ, къ которымъ легче всѣхъ остальныхъ приспособляются мертвецы и автоматы, дѣло въ томъ общемъ футлярѣ, куда запрятана жизнь всей той среды, въ которой вращаются Бѣликовы и Акакій Акакіевичи.

«А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ?» говоритъ ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ. «А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ и глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?»

Этотъ общественный футляръ поддерживается не одними только Бѣликовыми и Акакіями Акакіевичами, человѣками, хотя и мелко, но все же въ концѣ концовъ несчастными, онъ еще болѣе поддерживается людьми мелко довольными и счастливыми, вродѣ героя «Крыжовника»: Николая Ивановича Чимшы-Гималайскаго. Николай Ивановичъ — сынъ офицера, выслужившагося изъ кантонистовъ. Дѣтство онъ провелъ въ имѣніи отца, проданномъ впослѣдствіи за долги. Съ 19 лѣтъ онъ вынужденъ былъ служить въ казенной палатѣ. Переписывая ненужныя бумаги, онъ постоянно мечталъ о приобрѣтеніи имѣнія, о деревенской жизни со всѣми ея удобствами. Ему рисовались пруды съ уточками, чай съ густыми сливками и въ особенности кусты, покрытые спѣлымъ крыжовникомъ. Мечта застыла ему въ голову крѣпко. Онъ сталъ копить и ради сбереженія лишней копѣйки не доѣдалъ, не допивалъ, одѣвался, какъ нищій. Женился онъ на старой, некрасивой вдовѣ только потому, что у ней

былъ небольшой капиталецъ. Жепу онъ держалъ впроголодь и сначала заморилъ, а потомъ и уморилъ. Явилась возможность осуществить давнишнюю мечту. Имѣніе, наконецъ, куплено, желанный кружовникъ посаженъ. Помѣщичья жизнь не обманула ожиданій Николая Ивановича. Она пришлась ему вполне по вкусу. Изъ «робкаго бѣдняка-чиновника» онъ превращается въ настоящаго «добраго барина». Много кушаетъ, моется въ банѣ и «благодѣтельствуетъ» окружающимъ мужикамъ. Потравъ онъ имъ, разумѣется, не прощаетъ, но за то лѣтитъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой, а въ день своихъ именинъ послѣ благодарственного молебна выставляетъ имъ иолведра водки. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приобретаетъ собственные взгляды, взгляды добраго барина: «образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно», «тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и незамѣнимы». Благополучію Николая Ивановича не мало способствуетъ и умѣнье вѣрно оцѣнить свою связь съ народомъ.

«Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться»—говоритъ онъ съ сознаніемъ своего достоинства.—«Меня народъ любитъ. Стоитъ мнѣ только пальцемъ шевельнуть, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу».

Кульминаціоннымъ пунктомъ помѣщичьего благополучія Николая Ивановича былъ торжественный моментъ, когда ему принесли тарелку его собственнаго крыжовника, собраннаго впервые послѣ посадки кустовъ.

«Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на крыжовникъ, молча, со слезами,—онъ не могъ говорить отъ волненія, потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который, наконецъ, получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

— Какъ вкусно!

И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ:

— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй!

Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, тѣмъ истиннѣ намъ дороже насъ возвышающій обманъ».

Видъ этого довольнаго человѣка вызываетъ брата его Ивана Ивановича на размышленія, замѣчательныя по своей простотѣ и глубинѣ.

...«Какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! каковы это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмущенъ. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гиннозъ. Надо,

чтобы за дверью каждого довольнаго счастливаго человека стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно нажималъ бы стучкомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, страдется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человека съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину—и все обстоитъ благополучно».

Такихъ смѣло можно сказать проникновенныхъ строкъ немного не только въ произведеніяхъ Чехова, но и вообще въ русской литературѣ.

Вообще всѣ три послѣдніе разсказа Чехова вылились у него, видимо, въ хорошую минуту нравственнаго вдохновенія. Оно чувствуется и въ наименѣ интересномъ изъ нихъ, въ разсказѣ «О любви», оно чувствуется въ тѣхъ нѣсколькихъ словахъ, которыми авторъ отъ лица своего героя-разсказчика резюмируетъ свой взглядъ на любовь.

«Я понялъ, что, когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ нихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Эти слова въ сущности также высоко нравственны, какъ и основное положеніе Нитше: «Дѣлай все, что желаешь, но *сперва научись желать!*»

Мерзость обыденной жизни происходитъ не отъ того, что люди предоставляютъ свободу своимъ чувствамъ и желаніямъ, а оттого, что эти чувства и желанія ничтожны и дряблы. Безнравственны не тѣ, которые явно и сильно желаютъ, чувствуютъ и любятъ, а тѣ, которые живутъ въ футлярахъ или довольствуются удобствами помѣщичьей жизни.

В. Поссє.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра постановлено:

— Книги: 1) «Учебникъ латинской этимологіи съ хрестоматіей, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ II класса гимназій. Составилъ, сообразно съ программой 1890 года, М. Быстровъ, преподаватель Вологодской гимназій. С.-Пб. 1897. VIII+258+131. 1 р. 10 коп. — 2) Учебникъ латинской этимологіи. Приложенія (хрестоматія и вокабулярій для третьяго класса гимназій и указатель мѣстъ, заимствованныхъ въ хрестоматіи изъ клас-